

**«ЛИТВИНЫ» И «ПАНЫ».
ВЫХОДЦЫ ИЗ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ЛИТОВСКОГО НА МОСКОВСКОЙ СЛУЖБЕ
В XV–XVI СТОЛЕТИЯХ**

Территориальная близость и длительное соперничество между двумя соседними государственными образованиями – Великим княжеством Литовским и Московским государством, преемником великого княжества Владимирского, приводили к постоянным перемещениям внушительного числа лиц. Московская составляющая этого процесса была представлена значительно большим количеством примеров, что находит свое объяснение в более высокой степени развития служилого землевладения и служебных отношений на западнорусских землях. Выездам способствовало периодическое изменение зон влияния, когда в «ведении» московских князей оказывались территории, которые прежде не соотносились с Владимирским великим княжеством. Границы собственно Московского княжества регулярно расширялись в западном и южном направлениях, охватывая бывшие земли Смоленского и Черниговского княжеств. В зависимость от Москвы попадали местные владетельные князья и их бояре. Часть присоединенных территорий, где прежде находились собственные княжеские династии, переходила под прямое управление великокняжеской власти (например, Можайск).

По родословным данным, уже в начале XIV в. на службе у московских князей появились выходцы из Литвы (в более поздней версии «киевский вельможа») – легендарный Нестор Рябец, предок Квашниных, и Чернигова – Ф. Бяконт («от славных и нарочитых бояр литовских»), основатель нескольких фамилий, виднейшими из которых были Плещеевы [22, с. 247, 263]. Большое число «честных» мужей литовского происхождения числится среди предков менее знатных и выдающихся родов.

Московские примеры были далеко не уникальны. Проникновение на княжескую службу представителей боярства из западнорусских земель прослеживается и в других центрах власти Северо-Восточной Руси. Потомками выходцев из Литвы считали себя тверские бояре Борисовы-Бороздины (от Юрия Лазынича), Коробовы и их однородцы Спячевы,

Бабкины, Ендогуровы, Измайловы (от Марко Демидова), а также Свиязевы, Полукарповы и Рамейковы (от Яна Августовича). Из Чернигова выводили свое происхождение Шетневы и Садыковы. Семен Ковыла Вислый, предок Сунбуловых выехал из Литвы в Москву, а затем около 1371 г. отправился в Рязань [31, с. 261, 264, 268; 62, с. 156, 178, 182; 63, с. 193, 194, 205, 208, 209, 211, 212, 213, 215, 216, 241]. Значительная часть подобных «легенд» имела позднее происхождение и далеко не всегда отражала память о реальных событиях, имевших место несколько столетий назад. Тем не менее, очевидно, что выезды из Литвы, точнее, территорий, вошедших позднее в состав Великого княжества Литовского, действительно имели место.

«Западное» происхождение Бяконтовых подтверждается летописным рассказом о митрополите Алексее, сыне Ф. Бяконта, составленном на рубеже 70-х – 80-х гг. XIV в. Брянским боярином был прежде Александр Пересвет, а любутским – его «брат». Андрей Ослябя. Брянским боярином именовался также Софоний Рязанец, автор одного из произведений Куликовского цикла. Из Смоленска в свите княжны Феодосии выехал в Тверь в 1385 г. боярин Воронец [40, с. 13–20; 50, с. 183].

Усиление литовской и в меньшей степени московской экспансии и усугубляемое ими разорение пограничных независимых княжеств достаточно рано привело к выездам в Москву представителей нескольких княжеских династий, среди которых были наиболее многочисленными выходцы из разных ветвей смоленского княжеского дома. Большая их часть, потеряв княжеский титул и постепенно утратив связи с родовыми землями, влилась в состав московского боярства: Всеволожи-Заболоцкие, потомки князей Фоминских (Травины, Ржевские, Толбузины, Полевы и Еропкины), возможно, также Нетшичи. Впрочем «неудачное» расположение Смоленского княжества и его уделов на протяжении нескольких столетий способствовало постоянным перемещениям представителей местной знати. В начале XV в. на московской службе оказались князья Порховские и Липятины. Позднее уже в конце века – князья Кропоткины. Кроме Москвы и Вильно потомки смоленских князей были представлены также в Твери. Тверскими боярами стали Карповы и Бокеевы (из фоминских князей). Здесь же на положении служилых князей находились Селеховские [31, с. 264–265]. Князья Кропоткины и Селеховские на рубеже XV–XVI столетий получили поместья в Новгородской земле.

Определяться с выбором «сюзерена» должны были также многие из черниговских князей. Некоторые из них оказались в орбите московского

влияния. Не рассматривая примеры владетельных князей на московско-литовском пограничье, стоит отметить выезд на московскую службу князя И. Шонура Козельского и некоторых его близких родственников (Князь Юрий Козельский в 1408 г. был воеводой в Ржеве).

Большинство названных лиц кроме смоленских выходцев XV в. не были собственно литовскими подданными. Оказавшись в незавидном положении, они были вынуждены искать себе покровителей. Часть выбрала сторону Москвы (Твери), другие – предпочли литовских князей, которые стали верховными правителями на их землях.

Отметились в качестве служилых князей при московском дворе также князья Друцкие. Начиная с середины XIV в. практически в каждом поколении этого рода фиксируются выезды в Москву. Уже в 1339/40 г. князь И. Друцкий в составе объединенной армии князей Северо-Восточной Руси участвовал в походе на Смоленск. Ему принадлежало село возле Дмитрова, которое приобрел у него великий князь Семен Гордый. В последней четверти XIV в. при московском дворе находился уже князь Г. В. Друцкий, участник Куликовской битвы и последующего сражения под селом Лысково, в котором он сложил свою голову. В 1436 г. была отмечена служба Василию Темному князя И. С. Бабы Друцкого, который «урядил свои полки с копы по литовски». Несколько позднее, во второй трети XV в. в Москве действовали его родственники князья Александр Одинцевич и его сын Григорий. До поры до времени все эти появления Друцких на московской службе носили эпизодический характер. Их потомки по-прежнему связывали свои судьбы с виленским двором, сохраняя родовые земли в Друцке [42, с. 58–59].

Видное положение в Москве занимал князь Д. М. Боброк Волынский, который, судя по его фамилии, скорее всего, также был выходцем из Южной Руси. Его потомки перешли на положение бояр, утратив княжеский титул [22, с. 285–286; 41, с. 86–123].

Династические войны и ужесточение политической борьбы внутри Великого княжества Литовского приводили к выездам целых групп служилых людей. Многочисленной, видимо, была свита князя Андрея Ольгердовича, выехавшего в 1377/78 г. из Новгорода ко двору Дмитрия Донского. В 1379/80 г. он участвовал в походе на Стародуб и Трубчевск, в результате которого его брат Дмитрий «не стал на бой...», но выиде из града съ княгинею своею и з детми и с бояры своими и приеха на Москву въ рядь къ князю великому Дмитрею Ивановичю». Позднее оба брата вместе со своими дружинами принимали участие в Куликовской битве. Во время осады Москвы Тохтамышем обороной города руково-

дил Остей (князь Александр Федорович?), внук Ольгерда [50, с. 45, 73, 75]. Стоит заметить, что для наиболее значительных лиц, биографии которых можно проследить по упоминаниям в летописях, московская служба имела кратковременный характер. Получив помощь со стороны московских князей, они позднее возвращались на родные земли.

В 1406 г. состоялся выезд князя Александр Нелюба Гольшанского, сына киевского наместника Ивана Ольгимонтовича, «а с ним много Литвы и Ляхов» [50, с. 193]. Ранее Иван Ольгимонтович сопровождал Софью Витовтовну в поездке к ее будущему мужу. Спустя 2 года еще более масштабный характер имел приезд Свидригайло Ольгердовича, в свите которого помимо нескольких титулованных лиц находились также «бояре Черниговские и Брянские и Стародубские и Любутские и Рославские». Этот выезд имело важные последствия для процесса формирования московской аристократии. Несмотря на последующий отъезд большей части представителей этой группы, некоторые из них остались на московской службе. М. Е. Бычкова отметила, что с этим выездом связывали свое появление в России Бунаковы и Владычкины. Первые, в действительности, приписались к родословной князей Хотетовских, которые впоследствии вернулись на литовскую службу [54, с. 237; 20, с. 85].

С выездом Свидригайло связано было появление при московском дворе князей Звенигородских (из черниговского княжеского дома). Как видно из сборника Дионисия (в миру – князь Д. В. Лупа Звенигородский) и последующих родословных росписей, эта княжеская фамилия считала своим предком Александра Звенигородского, прямо связывая его появление в Москве вместе с сыном Федором Котлечеем (в других вариантах – Иван Котлечей (Коплечей) с указанным событием. М. Е. Бычкова и А. В. Кузьмин обратили внимание на отсутствие «московских» следов деятельности Звенигородских в первой половине столетия [21, с. 41–42; 41, с. 174–175]. Не исключая вариант их кратковременного возвращения на родовые земли, стоит отметить, что во второй половине XV в. Звенигородские разных ветвей определенно находились в Московском государстве. Все они были потомками упомянутого князя Александра. Звенигородские кроме того не встречаются в документах Литовской Метрики этого времени, что свидетельствует об их переселении на новое место службы.

Начиная со второго десятилетия XV в., Василию Дмитриевичу служили сыновья князя Патрикия Наримунтовича Федор и Юрий. Трудно сказать, было ли их появление здесь связано с выездом Свидригайло.

Князь Патрикей Звенигородский был упомянут в свите Свидригайло. В сборнике Дионисия он именуется с определением «Карачевской и Хотимской» и был обозначен как брат князя Александра Звенигородского, хотя и не был включен в составленную здесь же роспись князей Звенигородских. Не исключено, что в летописном тексте произошло механическое дублирование двух фамильных обозначений нескольких князей. Тождество этого Патрикеева Звенигородского с отцом князей Юрия и Федора, предков князей Патрикеевых (Щенятевых, Голицыных и Куракиных) и Хованских подвергается сомнениям. Можно констатировать, тем не менее, определенную синхронность событий. Уже в 1407 г. их брат Александр Патрикеевич Стародубский, имевший тесные связи с московскими князьями, был задержан Витовтом по обвинению в попытке отъезда в Москву [63, с. 18]. Его дочь позднее стала женой сына Дмитрия Донского Андрея. Несколько десятилетий спустя Стародуб был пожалован Ивану Андреевичу Можайскому после выезда этого удельного князя в Литву.

Юрий Патрикеевич женился на дочери великого князя Анне и занял главенствующее положение в боярской среде. Именно он стал наместником московским, а в 1433 г. возглавлял поход на братьев Василия Косого и Дмитрия Шемяку с великокняжеским двором «а с ним двор свои, многие люди». Менее заметны были потомки его братьев князя Хованские и Корецкие. Последние долгое время оставались неизвестными, пока неожиданно не проявились в самом конце XV в., получив поместья в Новгородской земле. При этом Корецкие других линий продолжать владеть землями в окрестностях волынского города Корец. А. В. Кузьмин считал, что князья Корецкие не были потомками названного ранее Патрикия Наримунтовича. Не очень понятно, однако, их присутствие в официальной родословной росписи этого рода. По своему статусу они в середине XVI в. заметно уступали Щенятевым и Булгаковым (Голицыным и Куракиным). В родословной перечисление Корецких было неполным. В ней явно были пропущены 1–2 поколения, а также отсутствовали имена Ивана Большого и Ивана Меньшого Семеновых. Видно, что эта роспись была составлена по памяти родственников, о чем свидетельствует и сделанный комментарий «по росписи Голицыныхъ и Куракиныхъ». Обе эти фамилии, таким образом, признавали свое родство с Корецкими. Не исключено, что Корецкие выехали на московскую службу лишь в конце столетия, под опеку и покровительство к своим могущественным родственникам. Князь Федор Патрикеевич, предок Хованских, был в 1421 г. великокняжеским наместником в Новгороде,

а затем князем в Пскове. Он умер в Москве, выехав из этого города, спасаясь от морового поветрия [55, с. 39–40].

В целом, можно констатировать, что безземельные служилые князья в XV в. стали более охотно связывать свою судьбу с московскими правителями, без обратных переходов на литовскую сторону. Вполне вероятно, что причиной этого была продолжающийся характер формирования правящей элиты. Новые лица, обладавшие знатным происхождением и амбициями, вполне могли претендовать не только на щедрые земельные пожалования, но и получали вполне реальные шансы попасть в ближайшее окружение великокняжеской семьи. Стоит заметить, что многие литовские выходцы породнились с правящей московской династией (Д. М. Боброк Волынский и Ю. Патрикеевич).

Ослабление зависимости от Орды, нерегулярность выплаты «выхода» приводило к возможности московским князьям наращивать военный потенциал, увеличивая размеры собственных дворов. С 1433 г. в качестве самостоятельной воинской единицы начал упоминаться великокняжеский двор. В этой связи возросла потребность в «удальцах», особенно таких, кто, имея княжеское происхождение, мог выступать в качестве воевод для местных ополчений. Представители местных княжеских династий Северо-Восточной Руси в конце XIV – начале XV в. еще сохраняли остатки независимости и могли использоваться в служебных целях с рядом ограничений. В распоряжении у великокняжеской власти этого времени были, пожалуй, только князья Стародубские и Оболенские, а также некоторые князья-изгои подобные А. В. Лугвице Суздальскому. Всего в соответствии с родословными книгами не более 10–15 человек. Их количества явно не могло хватать для возросшего уровня задач. Более активно использовались потомки княжеских фамилий, лишенные титула (во втором-третьем поколении), но большинство из них быстро теряло свой авторитет, опускаясь во второстепенные ряды боярства и часто связывая свою судьбу с удельными дворами.

Безусловно, в этом случае нельзя говорить о том, что московское правительство рассчитывало с помощью этих эмигрантов начать борьбу за «старинные русские земли, входившие в это время в состав Великого княжества Литовского», как писал А. А. Зимин [31, с. 29]. Идеологических посылов для подобных «реваншистских» настроений не существовало, по крайней мере, до конца XV в. Вплоть до 1480-х гг., когда на территории Новгородской земли был сформирован «княжеский» плацдарм, служилые князья из Великого княжества Литовского размещались вдали от литовской границы и были задействованы на других направле-

ниях. Князья Порховские, например, владели землями в Костромском уезде, на восточных рубежах. Здесь же позднее разместились князья Несвицкие. Владения князей Хованских были расположены в Волоцком уезде, который во втором десятилетии XV в. уже явно не относился к пограничной территории. Большие земельные массивы принадлежали в разных частях страны позднее князю И. Ю. Патрикееву, сыну Юрия Патрикеевича, но западное направление явно не было среди них доминирующим [41, с. 162–165; 80, с. 283–286; 29, № 85, с. 345–347].

Литовские князья были предназначены для внутреннего использования, выступая в качестве военачальников разного уровня. Эта тенденция отчетливо проявилась в последующие десятилетия, когда количество подобных эмигрантов значительно возросло.

Уже говорилось о выезде князя И. Бабы Друцкого. Во второй трети века в Москве действовали также его родственники князя А. А. Одицевич и его сын Григорий Друцкий (Г. А. Друцкий в 1442 г. получил пожалование от Казимира IV). Еще до 1439 г. в Москве появился печально знаменитый бывший мценский воевода Григорий Протасьев, который, однако, не успел себя проявить здесь, поскольку ему «очи выняли». Печальной оказалась и судьба его сына Ивана, которого утопил Федор Блудов, еще один выходец с московско-литовского пограничья. Земли Ф. Блудова по московско-литовскому договору 1449 г. переходили в ведение Василия Темного. Характерно, что и Протасьевы, и Блудовы (как, впрочем, и потомки еще одного участника этой трагедии – Василия Сука) позднее владели вотчинами в Коломне. Здесь же расплата настигла и самого Ф. Блудова «самого Федка, поймав, повесили на Коломне, на осокори». В 1441 г. жалованную грамоту на владения в Коломенском уезде получил Сенка Писарь, который по родословной его потомков был выходцем из Литвы. Коломенскими вотчинами владели также Волынские и Липятины, выехавшие в предшествующие десятилетия. В Коломне, видимо, была наделена землями целая группа бывших «литвинов».

В 1444 г. в Нижний Новгород были посланы великокняжеские воеводы князь Федор Долголдov и Юшка Драница. Последний незадолго до этого получал пожалование от Казимира. Князь Ф. Долголдov, видимо, приходился сыном князю Долголду, одному из вкладчиков киевского Никольского монастыря [74, с. 58; 79, с. 106]. Ю. Драница впоследствии был среди детей боярских, поддержавших ослепленного великого князя. В 1446 г. он погиб во время осады Углича. В начале 1440-х гг. на службе у Василия Темного отметился также князь А. В. Чарторыйский, известный по активному участию в династической войне в Великом княжестве

Литовском. Он, правда, быстро переметнулся на сторону Дмитрия Шемяки, а позднее уехал в Псков. На Волк Ламский переселились князья Белевские, хотя это переселение и было совершено «в опале» (позднее вернулись в Белев) [54, с. 262, 266, 269; 53, с. 155; 39, с. 44–46].

Очевидно, что феодальная война привлекала «искателей удачи». Однако даже по ее окончанию поток переселенцев не только не ослаб, но и значительно вырос. Во второй половине века при московском дворе находилась весьма представительная литовская диаспора. Среди них, видимо, были сыновья князя И. Бабы Друцкого Василий, Иван и Семен. Семен погиб в 1456 г. на Оке под Перевитском. Ивана в качестве служилого князя трижды запрашивали у Ивана III псковичи. Василий, в свою очередь, стал основателем московских линий этой фамилии – князей Бабичевых. Напротив, старшие сыновья И. Бабы служили в Великом княжестве Литовском [92, s. 60]. Подобная ситуация была характерна и для некоторых других княжеских фамилий, которые прагматично использовали московский ресурс. Туда на службу отправлялись младшие сыновья, что позволяло избежать дробления «отчин».

В 1459 г. воеводой в костромском Плесе был князь С. В. Солтан Несвицкий (Збаражский). Где-то в 1460–1470-е гг. он вернулся на родину (после 1463 г.). При московском дворе его, однако, быстро сменили младшие родственники – Д. Ф. Несвицкий и его сыновья, обосновавшиеся в том же Костромском уезде. Примерно в это же время ненадолго отметился при московском дворе князь Ю. М. Трубецкой. Его дольница в Трубчевске была отписана на короля и была передана в держание вначале князю И. Чарторыйскому, а потом Г. Воловичу, пока вернувшийся прежний владелец не выхлопотал ее обратно [6, № 100, с. 136; 36, с. 115, 143–144, 189–190].

Где-то в начале 1470-х гг. выехал в Москву князь И. Лукомский, казненный позднее, в 1493 г. по обвинению в попытке отравить московского правителя. Его владения в Великом княжестве Литовском были конфискованы. До 1482 г. «побег к Москве» князь И. Глинский. В последующие годы он, возможно, вернулся на литовскую службу. В этом случае по ходатайству его братьев его «именьице» осталось в кругу семьи. Не позднее последней четверти XV в. появились в Подмосковье князья Дашковы, которые к началу следующего столетия обзавелись здесь несколькими вотчинами [91, s. 214; 29, № 95, с. 392].

Стоит добавить, что еще до начала «странной войны» на московскую службу начали переходить порубежные князья, некоторые из которых упоминаются вдали от своих наследственных владений. Князь И. Мы-

шецкий был в 1480 г. на докладе у коломенского наместника Я. З. Кошкина. Согласно московско-рязанскому договору 1483 г., «Елец и вся Елецкая места» признавались «отчиною» Ивана III, что, вероятно, предопределило судьбу князей Елецких, переселенных в разные части страны [69, с. 336; 29, № 76, с. 285].

Подобные переходы затрагивали не только титулованных лиц. В 1470-е гг. заметным лицом в окружении Ивана III был И. К. Судимонт, свидетель поручной грамоты князя Д. Д. Холмского 1474 г., получивший в кормление-держание суздальское село Нельша, а также державший по родословному преданию в кормлении половину Костромы, а затем и Владимир. Вместе с князем И. Лукомским в 1493 г. были казнены братья смольняне Богдан и Олехно Селевины, время появления которых в Москве остается неизвестным [32, с. 4–6; 51, с. 235].

О распространенности примеров проникновения выходцев из порубежных земель на московскую службу косвенно свидетельствуют фамилии служилых людей второй половины – конца XV в.: Козляниновы [15, с. 10–13], Мечняниновы, Одоевцовы, Волынцевы (возможно их предком был С. Волинец, погибший в 1438 г. в сражении под Белевом).

Одним словом, бегство в 1482 г. к «государю всея Руси» после неудачного заговора князя Ф. И. Бельского пришлось на подготовленную почву. Безусловно, по своему происхождению и положению в Великом княжестве Литовском этот эмигрант заметно отличался от всех других представителей литовской диаспоры второй половины столетия, что хорошо понимали при московском дворе. Ему были переданы значительные территории в Новгородской земле: «Демон в вотчину да Мореву со многими волостями». Статус отдельных владений в рамках этого «княжества», скорее всего, был различным. Волость Велила в разезде 1483 г. была великокняжеской. В Мореве известны были деревни «за княжими слугами». В Демоне же вплоть до конфискаций второй половины 1480-х гг. сохранялись владения новгородских землевладельцев, при отсутствии значимого массива оброчных земель, то есть можно говорить только о верховной власти Ф. И. Бельского над этим уездом. Значительная часть юга Новгородской земли в 1480-е гг. была передана в руки «князей». По соседству с землями Ф. И. Бельского располагалась волость Березовец, принадлежавшая И. Ю. Патрикееву. В «чернокунском» Холмском погосте были владения и у С. В. Бабича-Друцкого. Передача им этих волостей отражала, очевидно, планы по противостоянию Великому княжеству Литовскому, которое во многом реализовывалось силами служилых князей. Князь Федор активно про-

явил себя в этом качестве. В 1485 г. он принимал участие во взятии Твери. Жалобы литовских послов на «кривды» с его стороны свидетельствуют о значительной роли, которая отводилась ему в ведении «странной» войны. В распоряжении у него находилось значительное количество «вассалов», среди которых были и свои бояре. Одним из его слуг был, в частности, будущий святой Тихон. Луховецкий. Еще один – Митя Юров мог стать основателем переславской служилой фамилии Пановых-Юровых. В 1493 году Ф. И. Бельский был обвинен в измене и «поиман» на Луху. К этому времени он, очевидно, уже лишился своих новгородских владений. После освобождения он получил (заново?) «в вотчину город Лух с волостями, да волости Вичюгу, да Кинешму, да Чихачев» [17, с. 91–92].

Переселение Ф. И. Бельского в Лух показывает, что подобный эксперимент в итоге был признан не слишком удачным. Всегда существовала опасность обратного перехода князей, лояльность которых оставалась под вопросом. После опалы князя И. Ю. Патрикеева 1499 г. и конфискации земель у представителей аристократии, которые не были непосредственно задействованы в новгородской службе «княжеский» плацдарм окончательно потерял свое значение. Ставка была сделана на широкие поместные раздачи.

Вряд ли с появлением князя Ф. И. Бельского можно было говорить о появлении при московском дворе какой-то литовской партии. Выходцы из Великого княжества Литовского поддерживали между собой определенные отношения, которые, однако, не перерастали в корпоративные связи. Сам он в 1493 г. был оговорен князем И. Лукомским, обвинившим его в намерении совершить обратный выезд. Помимо территориального соседства во время недолгого существования его новгородского княжества с князьями Бабичевыми его связывали брачные узы. Женой Ф. И. Бельского стала племянница Ивана III Анна, внучка В. И. Бабича.

Трудно представить главой пресловутой литовской партии и князя И. Ю. Патрикеева. Все родственные связи этого вельможи были связаны с великокняжеским окружением. Кроме предполагаемой поддержки своих младших родственников князей Корецких, которые получили новгородские поместья (были сосланы в Новгород?) в 1499–1500 гг., сразу после опалы князей Патрикеевых, другие контакты с «литвинами» у членов этой семьи не прослеживаются.

Относительная слабость позиции Гедиминовичей при московском дворе этого времени наглядно демонстрируется появлением «Родословия великих князей литовских», памфлета о происхождении литовской

правлящей династии от конюха, раба князя Витенца Гегиминика. Имена всех сыновей этого Гегиминика (великого князя Гедимина), как и его самого, были указаны в этом документе в уменьшительно-пренебрежительной форме: Нароминтик, Евнутик, Олгердик, Кестутик, Скиригайлик, Кориядик, Мантоник [28, с. 170].

Единичные случаи проникновения «литовских» фамилий, рассредоточение их представителей в разных уездах, на значительном удалении друг от друга не способствовали поддержанию тесных отношений друг с другом, тем более, что подозрительность и скорость на расправу со стороны Ивана III не создавали для них благоприятную основу. Быстрая интеграция в систему социально-экономических отношений Московского государства была характерна как для представителей «литовской знати», вошедших в высшие эшелоны Государева двора во второй половине XV в. (князья Патрикеевы, Звенигородские, отчасти Бабичевы), так и для менее заметных лиц. Исключения составили князья Бельские, получившие статус служилых князей и в этом качестве сохранившие для себя особый статус.

Актовые материалы дают возможность достаточно подробно осветить судьбу Судимантовых, потомков «пана» И. К. Судиманта. Помимо Нельши, которая со временем превратилась в их поместье, им принадлежали земли в Московском и Дмитровском уездах, которые, очевидно, были приобретены в качестве приданого. По дмитровским владениям часть представителей этой фамилии в качестве дворовых детей боярских служила позднее Юрию Дмитровскому [2, № 17, с. 25–26; 76, с. 66–67, 134]. Поземельные акты показывают, что они органично влились в состав местных корпораций. Та же картина наблюдается у Протасьевых, осевших в Коломенском уезде, а позднее перебравшихся на новгородские поместья. Единственным примером сохранения каких-то связей может служить брак В. И. Волынского с Аграфеной Липятиной, но причины этого союза крылись, скорее в соседстве Волынских и Липятиных по владениям в Коломенском уезде, а не были обусловлены памятью об общем «литовском» происхождении.

Две московско-литовские войны рубежа XV и XVI вв., переросшие из локальных пограничных столкновений, привели к резкому увеличению числа литовских выходцев. Часть из них оказалась заложниками ситуации, и была вынуждена сменить «сюзерена» под давлением извне. Другие воспользовались ситуацией и сами пытались получить дивиденды от ослабления власти литовских правителей и смены своей владельческой принадлежности.

Значительная часть подобных примеров относилась к деятельности служилых князей, которые, оставаясь на своих землях, переходили на сторону Москвы. Существовали, однако, примеры выездов и других слов служилого населения. В 1480-е гг. (до 1486 г.) «сбегл в Москву» князь И. В. Глазынич, брат смоленского окольного, который затем принимал участие в набегах на пограничные литовские земли [89, р. 125; 67, с. 133, 141]. Так же поступили мценский боярин С. Бунаков, оршанцы Т. Белый и Ю. Малый, князья Д. Путогинский и Д. А. Пронский (некоторые другие Пронские к этому времени, вероятно, уже служили Ивану III), а затем и получивший широкую известность в исторической литературе Е. Дашкевич, перешедший к Ивану III с группой литовских дворян. После 1509 г. в Москве оказался князь В. Бахта [89, р. 338; 78, с. 188; 90, с. 501]. Многие совершали переезды вслед за своими «господами», например, князьями в.И. Шемячичем и М.Л. Глинским.

М. М. Кром писал о незначительном присутствии князей Друцких, несмотря на захват самого Друцка, в свите князя М. Л. Глинского. Из цитируемого этим историком дела князей Одинцевичей выясняется, однако, что с М. Л. Глинским «поехал» младший сын княгини Ульяны Гольцовской. Двое ее старших сыновей «перво того к Москве побегли» [39, с. 128; 86, р. 309–310]. Возможно, именно они в родословной показаны как основатели московской ветви Друцких. Из этого же рода вместе с М. Л. Глинским выехал также князь И. Озерецкий.

С разрастанием военных действий круг подобных переселенцев становился все шире. К слову сказать, «беглецы» находились и на московской стороне, хотя в последнем случае явно нельзя было говорить о литовском давлении на земли Московского государства. Затянувшееся военное положение способствовало росту числа изменников, которых охотно принимали оба противоборствующих лагеря. Без учета удельного князя Василия Верейского, а также Михаила Тверского и Ивана Рязанского и членов их дворов, среди них были, в том числе члены московских боярских и княжеских фамилий: Б. И. Образцов, Ю. В. Гусев, позднее И. Т. Юрлов Плещеев, князья Д. И. Хованский, Ф. и М. Ю. Бабичевы (Эмигрантом нельзя считать князя И. Л. Борятинского, родственники которого перешли на московскую службу лишь в последнем десятилетии XV в.). Вряд ли, допустимо искать во всех этих случаях политическую подоплеку. В начале XVI в. на литовской службе находилось также определенное число и менее знатных «москвичей», которые не поддаются уверенной идентификации [84, л. 138–154]. Этот процесс имел продолжение и в последующие десятилетия.

Сама ситуация военного времени провоцировала множественные переходы под влиянием момента. Не случайно многие эмигранты (как с московской, так и с литовской стороны) бежали на новое место службы без жен и детей, переход которых вслед за мужьями неоднократно становился потом темой для дипломатических переговоров. Косвенно сделанное наблюдение подтверждается значительным числом обратных переходов. Вернулись на родину «москвитины» Данило, Г. Унковский, а также Г. Каргаша и сыновья Н. Ярцова. «Зрадцами», участниками мятежа М. Л. Глинского являлись Ф. Мокевич и его брат И. Мещерин, а также Остафий. Поручка была взята по королевскому дворянину А. Животову, намеревавшемуся совершить отъезд с литовской службы. В 1535 г. на московскую службу выехали многие отъехавшие ранее дети боярские [84, л. 142–144, 147, 148, 152; 87, р. 29; 38, с. 116].

Под прямое управление Москвы к моменту смерти Ивана III перешел ряд крупных городов, населению которых необходимо было сделать выбор о своей дальнейшей судьбе. Часть местных князей и бояр сохранила верность литовским князьям, и покинула свои земли. Другие вынуждены были признать власть «государя всея Руси». Многие из них со временем, в соответствии с проводимой политикой по закреплению на завоеванных территориях, были переведены на новые места службы. Всего в распоряжении Ивана III должно было оказаться несколько сотен служилых людей, хотя не исключено, что по примеру новгородских и псковских бояр многие из них не смогли подтвердить на новом месте службы свой прежний социальный статус.

Уже в конце XV в. можно обнаружить следы некоторых из них в центральных уездах страны. Очень вероятно, что одним лицом были мценский боярин Луня, о котором в 1498 г. жаловались мценские бояре, и Лунь Данилов Мечнянинов, получавший жалованные грамоты от Ивана III, а затем и его сына Юрия Дмитровского. Как следует из сообщения посольской книги, захват Луня «з женою и с невесткою и з детьми» произошел в 1492 г. В том же году (1492/1493 г.) по родословной он вместе с сыновьями Иваном, Селиваном и Игнатием получил владение в Дмитровском уезде [67, с. 267–268; 75, с. 71; 16, с. 220]. Позднее Иван Мечнянинов перебрался в близкий к Мценску Рязанский уезд.

Из Вязьмы были выселены князья Вяземские и Козловские. В 1506 г. князь Ю. Л. Козловский был волостелем в Бежецком Верху. Здесь же помещиком был его сын Федор. Позднее, возможно, в связи с передачей Бежецкого Верха в удел Дмитрия Углицкого, Козловским были пожалованы села в Романовском и Муромском уездах. Вяземская рубрика

Дворовой тетради 1550-х гг. XVI в. показывает, что местные дворовые дети боярские представляли пришлые фамилии. Единственное возможное исключение в вяземской рубрике – Маршалковы [18, с. 148–150].

Та же картина вырисовывается при анализе дорогобужской и бельской рубрик этого источника. Менее определенно можно говорить о рядовых детях боярских, среди которых могли быть потомки местных бояр. В. Б. Кобрин на основании топонимических данных считал выходцами из вяземских бояр Волженских, Коковинских, Здешковских и Лосминских. Здешковские и Лосминские были, скорее, потомками смолян. Вполне вероятно, что число вязьмичей можно пополнить за счет Великопольских, фамилия которых могла быть связана с названием вяземского села Великое поле. Подобный метод без подтверждения актовыми и генеалогическими данными является достаточно условным. Теме не менее, примечательно, что представители указанных фамилий получили поместья неподалеку от Вязьмы: Волженские и Коковинские – в Можайском уезде, вобравшем в себя несколько вяземских волостей, а Великопольские – в Ржевском [37, с. 123–124]. Писцовая книга Торопецкого уезда конца 1530-х – начала 1540-х гг. показывает, что владения здесь из местных землевладельцев сохранили только Роздеришины. Правда, уровень развития служилого землевладения в Торопецком повете, как и в соседних «чернокунских» волостях (Буйцы и Лопастыцы) Новгорода, видимо, был не слишком высоким. В пограничных конфликтах не упоминались торопецкие бояре. В Казариновской волости владения принадлежали витебским боярам, возможно, на правах кормлений (по мнению, В. Н. Темушева она относилась к Витебску) [49, с. 559–561; 75, с. 70].

Сама упоминутая торопецкая писцовая книга не содержит упоминаний о прежних литовских владельцах, хотя имена крестьян, держателей тех или иных деревень при «прежних писцах», в том числе, видимо, описания князя С. Курбского (после 1503 г.), встречались здесь постоянно. Определенные боярские земли здесь все-таки должны были существовать. Позднее несколько торопецких бояр: Нефед, Михалко и А. Л. Теребужский получали пожалования от Александра Казимировича взамен потерянных земель [67, с. 35; 39, с. 53].

Выселение затронуло также князей Мезецких. Завещание Ивана III упоминало село Алексин возле Стародуба-Ряполовского, переданное в счет доли в «Мезецку» князю М. Р. Мезецкому. Он погиб в 1506 г. в походе на Казань, будучи задействованным благодаря своим новым владениям на восточном направлении. Судя по землевладению его потомков,

в Можайск был переведен С. Р. Мезецкий. Помещиком Можайского уезда стал также князь В. Швых Одоевский [31, с. 135; 76, с. 184; 29, № 96, с. 396, 397]. Постепенно владения за пределами родовых «отчин» приобретали и другие верховские князья.

Очевидно, сразу после перехода к Ивану III князю В. И. Шемячичу был пожалован Малый Ярославец или хотя бы некоторые малоярославецкие села. В 1505 г. был проведен разъезд владений этого князя с землями Троице-Сергиева монастыря [5, № 659, с. 584–586]. Малый Ярославец после этого еще несколько раз менял свою владельческую принадлежность. В 1508 г. он был передан «в отчину» князю М. Л. Глинскому, который потерял его после своей опалы в 1514 г. Этот город вновь стал достоянием В. И. Шемячича, который, однако, также в 1523 был «пойман». Трудно сказать в какой промежуток времени состоялись раздачи на территории Малоярославецкого уезда «Шемячичевским» служилым людям. Скорее всего, это произошло уже после 1514 г., что объясняет нахождение среди них Михалчуковых, потомков смоленских бояр. Михалчуковы были отмечены также среди литвы дворовой по Можайску.

Отдельной группой «Шемячичевские» были зафиксированы по этому городу в Дворовой тетради. Скорее всего, из Малого Ярославца происходили также коломенцы Козловы «Шемячичевские» и Микулины Грековы – от «человека» В. И. Шемячича Микулы Грека. К названным лицам за счет использования данных писцовой книги конца 1580-х гг. (использовала в качестве приправочной описание С. Ф. Пильмова 1540-х гг.) можно добавить еще несколько имен: Ю. Терпигорева, Т. В. Износкова, вероятно, также А. Янова и Б. Т. Рагозина [57, л. 11 об., 347, 653, 669 об.].

Князю С. И. Стародубскому какое-то время принадлежала волость Хотунь, где также могли осуществляться раздачи земель его служилым людям [31, с. 138].

Трудно сказать определенно, когда на московской службе появились князья Кропоткины. Часть из них служила в Великом княжестве Литовском. В самом конце XV в. сыновья А. Кропоткина получили новгородские поместья, а затем вошли в состав сформированного здесь из местных помещиков воеводского корпуса.

Стоит заметить, что значительное число местных землевладельцев осталось на своих местах. На правах служилых князей действовали В. И. Шемячич и С. И. Стародубский, князья Воротынские, Одоевские, Белевские, Трубецкие. Отдельная служилая корпорация была создана для князей Мосальских. Сохранили свои вотчины также князья Вол-

конские. Пример с Мосальскими был достаточно показательным для характеристики проводимой политики. После окончания войны 1500–1503 гг., по итогам которой Мосальск отошел на московскую сторону, часть представителей местной династии (старшей линии) продолжала находиться на литовской службе. Они, очевидно, должны были потерять свои владения в родовом княжестве. Трудно определить время их появления на службе у московских князей. Этот переход произошел уже после 1508 г. С. М. Мосальский (Литвин?) получил в 1508 г. привилей на службы в Смоленском повете. Василий (В. М.) Мосальский позднее «до Москвы втек» (до 1534 г.) [19, с. 28–32]. Характерно, что их потомки Литвиновы и Кольцовы позднее были известны как мосальские вотчинники. Очевидно, измена для их предков была вознаграждена возвращением конфискованных «дольниц». В завещании Ивана Грозного упоминается треть Мосальска «Володимерская Всеславля», находившаяся под прямым управлением московского правительства. Эта треть, очевидно, ранее принадлежала князю Владимиру Юрьевичу Мосальскому, потомки которого в полном составе служили в Великом княжестве Литовском. Остальные части Мосальска, видимо, принадлежали представителям местной династии [12, с. 110; 60, л. 6].

Более того, Мосальские и Волконские ощутимо повысили свой статус. Очень вероятно, что многие из них прежде находились на службе у князей Воротынских и не пользовались княжескими правами [39, с. 50–53; 82, с. 162–171]. Сам Мосальск в дипломатической переписке фигурировал как владение князя С. Ф. Воротынского. Таким образом, для многих порубежных князей, бежавших от московского «сюзеренитета» создавался стимул для смены служебной принадлежности. Декларируемая Иваном III ориентация на «старину», сыгравшая важную роль в переходах на его сторону верховских князей, очевидно, продолжала сохранять свое значение и в последующие десятилетия. В этих условиях чрезмерно активная ломка сложившейся системы землевладения, вряд ли, отвечала интересам московского правительства.

Согласно данным Дворовой тетради по прежним родовым центрам служили князья Борятинские и Перемышльские-Горчаковы (Таруса и, вероятно, Калуга). По Воротынску значились князья Хотетовские, некоторые из которых возможно также прежде служили местным князьям. Я. Хотетовский (без титула) в 1509 и 1510 гг. упоминался в поземельных актах Бежецкого уезда. Его появление здесь могло быть связано с пожалованием соседнего Козельска Семену Калужскому, владевшему Бежецким Верхом [76, с. 164, 169, 170, 172; 2, № 57, с. 60].

Иван III в своем завещании распорядился двумя третями Воротынска, переданными старшему сыну – Василию III. С этих земель служили отмеченные в Дворовой тетради Капустины и Савины. Обе эти фамилии происходили от бояр воротынских князей, сохранивших за собой в неприкосновенности свои земли [76, с. 172; 82, с. 173–174]. Очень вероятно также родство бояр Григоревичей и позднейших воротынских детей боярских Григоровых. С Серпейском были связаны Комынины. Их однофамилец в 1498 г. находился на службе у княгини Алены Говдыревской (владения неподалеку от Серпейска) и грабил пограничные литовские земли. Вотчины возле Козельска (смоленские волости) еще в 1490-е гг. принадлежали Нарышкиным. Их родственники служили в середине XVI в. по близким Тарусе и Боровску. По Боровску был отмечен также Третьяк Михайлов Висковатый, вероятный родственник мечнянина Васюка Висковатого, упомянутого в 1492 г. [67, с. 247; 76, с. 164–165; 67, с. 66, 136]. В последних случаях переселения, если они действительно были, совершались на сравнительно небольшие расстояния, тем более что последующие территориальные расширения значительно отодвинули западные границы страны.

М. М. Кром отметил большое число брянских бояр, оставшихся на литовской службе после захвата Брянска. Часть местных землевладельцев осталась, однако, на московской службе и была связана с Брянским уездом в последующие десятилетия. В десятне 1584 г. среди брянчан были отмечены представители Пролысских и Мясоедовых, вероятные родственники которых фигурировали в качестве брянских бояр в конце XV в. Соблазнительно было бы включить в это число и Безобразовых, но представители этой фамилии, скорее всего, были выходцами из центральных уездов. В брянский Свенский монастырь вклад был сделан И. Беяницыным Безобразовым, вероятным потомком, Беяницы Безобразова, одного из детей боярских Дмитрия Углицкого. Беяницыны-Безобразовы известны были в Боровском, Малоярославецком и Можайском уездах [70, с. 300, 301; 39, с. 233–236; 24, с. 30]. Еще несколько фамилий из этой десятни были характерны только для Брянского уезда, что косвенно подтверждает их местное происхождение. Позднее подобная ситуация в значительно больших масштабах повторилась на территории Смоленской земли. Можно констатировать, что состав землевладельцев значительной части новоприсоединенных земель не подвергся радикальным изменениям.

Несмотря на кажущуюся внушительность числа новых «слуг» московских великих князей конца XV в. проблема их адаптации в соз-

данную служебную систему не сталкивалась с заметными трудностями. Пример воротынских бояр, целой группой образовавших новую территориальную корпорацию в составе Государева двора, показывает, что в этом случае действовали отработанные принципы. Закрепление новых территорий достигалось здесь великокняжеской властью, в том числе, за счет привлечения на свою сторону местной знати. С другой стороны, переселенные в другие части страны лица вливались в состав существующих там объединений служилых людей.

Заинтересованность в именитых выходцах из Великого княжества Литовского в Москве была достаточно велика. Именно это обстоятельство приводило к принуждению пленников, захваченных в ходе пограничных столкновений, переходить на свою службу. Наиболее известным из них был князь К. И. Острожский. Московское подданство принял в итоге также бывший путивльский наместник князь Б. Ф. Глинский. Литовская сторона в дипломатических переговорах считала московскими пленниками также Я. Ивашенцова и С. Жеребятича. Последний, видимо, попал в плен еще в 1501 г. [67, с. 490; 51, с. 252; 68, с. 328, 345]. Характерно, что новые «слуги» были задействованы московским правительством на первых порах в ведении военных действий на литовском направлении.

За пределами круга служилых князей некоторые из нововыезжих вошли в элиту московской аристократии. Князья Пронские, например, ветви Д. А. Сухорукова, уже в первом десятилетии XVI в. получали разрядные назначения, а вскоре пополнили собой Боярскую Думу. Не последнюю роль в этом стремительном спурте сыграли, видимо, родственные связи. Князь И. Д. Пронский был женат на дочери И. В. Головы Ховрина, породнившись через этот брак не только с семьей московских казначеев, но также с влиятельными князьями Холмскими, Патрикеевыми, Одоевскими, не говоря уже о целой плеяде менее значительных семей. Воеводские назначения получали также князья Мезецкие [31, с. 116–117, 135–136, 271–273]. Не обойдены вниманием «государей всея Руси» были также князь К. И. Острожский и Е. Дашкевич.

Эйфория от появления на своей службе ряда видных лиц скоро прошла. В 1507 г. на московско-литовской границе находился князь К. И. Острожский, который, воспользовавшись случаем, бежал в Литву. Непродолжительной оказалась и служба здесь упомянутого ранее Е. Дашкевича. В 1508 г. он был послан на встречу с М. Л. Глинским. В том же году он присягнул Сигизмунду Казимировичу. Оба этих персонажа в дальнейшем играли заметную роль в московско-литовском противостоянии. К. И. Острожский в 1514 г. стал триумфатором битвы

под Оршей, а Е. Дашкевич вместе с крымцами участвовал в походе на Москву 1521 г. и в последующей осаде Рязани.

Разочарованием стал неудавшийся мятеж князя М. Л. Глинского. И дело было не только в отсутствии территориальных приобретений, который он мог бы принести. Декларируемая широкая поддержка местного населения, подогреваемая лозунгами о защите православия, привела в итоге к выезду всего нескольких десятков лиц, военный потенциал многих из которых оценивался впоследствии весьма невысоко. В 1522 г. во время переговоров о мире послам В. Г. Морозову и А. Н. Бутурлину была сделана инструкция о возможном размене пленными. Учитывая большое число представителей знатных фамилий в литовском плену (особенно после злополучной битвы под Оршей 1514 г.), они могли пойти навстречу требованиям представителей Сигизмунда Казимировича о выдаче им некоторых соратников М. Л. Глинского. Все они были разделены на две группы: те, кого нельзя было отдавать ни в коем случае («отговаривати накрепко»), и остальные. К первой группе кроме самого князя М. Л. Глинского были отнесены только М. Семенов (Александров), Я. Ивашенцов, А. Фурс и их «братья». Теоретически рассматривалась также вероятность выдачи племянников этого опального вельможи [67, с. 661, 663]. Многие другие его соратники остались на литовской службе, где сумели получить прощение за свою измену: Князя Ф. и А. Лукомские, Б. Заранкович, землянин И. Немирич, Ф. Колонтаев. В последнем случае, тем не менее, в Москву выехали его жена и дети: «великие шкоды впад, иж он сам был в руках в того здрайцы нашего князя Михаила Глинского, и оттоль въехал, а жону и дети там оставившь». «Зрадцою» был также Б. Колонтаев [39, с. 126, 128].

Всего же из когорты связанных с М. Л. Глинским лиц (уже после 1508 г. московской стороной было вытребовано разрешение на выезд для его братанича Зверя Зверева) лишь несколько человек получили впоследствии разрядные назначения – Я. Ивашенцев, М. А. Зверь (вероятно одно лицо с упомянутым ранее Зверем Зверевым) и князя Д. и В. М. Жижемские (только с 1532 г.). При этом по крайней мере В. Никольский, королевский писарь, не задержался на службе у Василия III. Уже в 1511 г. им – «презвитером Никольским» по повелению сербского воеводы С. Якшича, родственника Глинских, при дворе которого он, видимо, и нашел свое пристанище, было составлено «Сказание о исхождении Святого Духа» [64, с. 69–74].

Уже в 1514 г. сам М. Л. Глинский был обвинен в связях с королевским двором (небезосновательно) и отправлен в заточение. Очевидно, в изме-

не были обвинены и некоторые близкие к нему лица. В 1515/16 г. «сидел поиман» Д. М. Жижемский, который в это время занимался перепиской книг. В 1515 г. было выдано несколько жалованных грамот на владения в Можайском и Медынском уездах. Предшествующими владельцами в них были указаны князья А. И. Мамаев и В. Л. Глинские, а также С. Царевский и Д. Васильев, «люди» М. Л. Глинского [77, с. 497–499; 3, № 152, с. 125].

Похоже, репутация соратников М.Л. Глинских была серьезно подпорчена, что наложило свой отпечаток на отношение к остальным выходцам из Великого княжества Литовского, тем более, что в 1514 г. был раскрыт пролитовский заговор в недавно захваченном Смоленске, в котором были замешаны некоторые виднейшие представители смоленского боярства [39, с. 208–209]. После неудачи в Оршанской битве 1514 г. вернулся на литовскую службу князь М. И. Ижеславский (Мстиславский). Не случайно донос Ф. И. Крыжина в 1523/24 г. о намерении бежать в Литву нескольких детей боярских из числа «литвы» (Ф. И. Каргашина, Щукиных и их племянника И. Белого) вызвал серьезное расследование, материалы которого отложились в государственном архиве. Стоит добавить, что упомянутые здесь Щукины были охарактеризованы как «Глинского люди». Слугой Глинских был, вероятно, и сам Ф. И. Крыжин. Трое Крыжиных выехали вместе с М. Л. Глинским в 1508 г. в Москву [27, с. 47, 149; 4, № 502, с. 386–388; 30, с. 72].

Зачастую, в течение нескольких десятилетий некоторые фамилии по несколько раз успевали отметиться на службе у противоборствующих сторон. Князь Б. Ф. Глинский, например, был захвачен в Путивле в 1500 г., а затем вынужденно присягнул Василию III. Его сын Владимир находился с отцом на московской службе. В 1527 г. он выехал в Литву, однако, затем в 1540 г. вновь переметнулся к ее противникам. Его сын Богдан и жена, при этом остались на месте [20, с. 296–297].

Неудивительно, что многие литовские выходцы первых двух десятилетий XVI в. целенаправленно переводились в восточные уезды, на казанское направление военных действий. В этом отношении не было особой разницы между ними и, например, представителями «изменного» новгородского боярства. С течением времени из этих выходцев была сформирована группа, так называемой, «литвы дворовой», представленной сразу в нескольких рубриках Дворовой тетради. Несмотря на то, что этот документ является единственным целостным источником, свидетельствующим о ее существовании (в Тысячной книге 1550 г. как «литвин» был обозначен Я. Булгаков Захарын), вряд ли приходится со-

мневаться в длительном функционировании этой группы. Помимо «литвы дворовой» по логике должна была существовать и «литва городовая». Упоминание о последней группе содержалось в упомянутом деле Ф. И. Крыжина и Щукиных: «велел всей литве быти у себя», «обыщи того детми боярскими муромцы и литвою всеми». Можайчи и «с литвою» упоминались в разряде казанского похода 1549 г. В родословной Полтевых упоминается несколько человек, которые «в 7045 году книге написаны в Ярославле Литвою», хотя в этом случае речь могла идти о Дворовой тетради [4, №502, с. 387–388; 43, с. 226; 61, л. 486].

«Литва дворовая» неоднократно фигурирует в различных исторических работах, хотя и не получила сколько-нибудь подробного исследования. Чаще всего, ее упоминания имеют эпизодический характер. Судя по всему, эта группа была создана в 1514 г., после опалы М. Л. Глинского. При этом попадание в ее состав имело вполне определенные хронологические рамки. Помимо «литвы дворовой» в Дворовой тетради встречалась категория «нововыезжие». Среди них были представлены выходцы из Великого княжества Литовского, появившиеся на московской службе в 1540-е – 1550-е гг., которые, однако, уже не приписывались к «литве». В поземельных актах конца 1530-х гг. и в можайской писцовой книге фигурировали также «смолянне». В качестве «мстиславца» в жалованной грамоте, выданной его вдове в 1546 г., упоминался К. Клишков [4, № 188, с. 143]. Наконец, уже в 1540-е гг. известны были «паны». Все эти группы не сливались с «литвой» и, видимо, были образованы в более позднее время.

Единственным примером возможного позднего проникновения в состав «литвы» является «литвин» Я. Д. Бухвалов, записанный в Дворовой тетради по Дмитрову. Дмитров, столица удельного княжества, перешел в великокняжеское ведение только в 1533 г. Впрочем, он мог быть переведен сюда уже после этого события. В соответствии с родословной росписью Я. Д. Бухвалов (выехал в «7030 году» (1521/1522 г.) «испомещен был во Ржеве Володимерове да в Дмитрове» [63, с. 234].

В состав «литвы дворовой» вошли соратники и слуги М. Л. Глинского, к которым было добавлено значительное число других выходцев из Великого княжества Литовского, в первую очередь, выселенных смоленских бояр. С момента своего выезда некоторые спутники и слуги М. Л. Глинского, персональный состав которых не удается восстановить в полной мере, кроме Медыни и Малого Ярославца, выделенным ему и его братьям в «вотчину» (соседний Боровск в кормление), обосновались и на некоторых других территориях. Уже говорилось о переходе

в 1514 г. владения (поместья?) князя А. И. Мамаева Глинского в другие руки. Тем не менее, опала 1514 г. вызвала, видимо, серьезное перемещение представителей этой группы. По Медыни и Малому Ярославцу в Дворовой тетради были отмечены из их потомков только несколько человек: В. М. Гагин, Ф. и И. М. Дрожжины, князь М. В. Жижемский, братья Колонтаевы. К этому числу можно добавить Н. С. Приезжего, одного из помещиков (прежний владелец порозжего поместья в писцовой книге конца 1580-х гг.) Медынского уезда. Его однофамилец И. Приезжий был сыном боярским М. Л. Глинского [76, с. 206–208; 48, с. 844].

Потомки других соратников этого князя были разбросаны по другим уездам. По Переславлю-Залесскому – Ф. А. Фурс и братья Брянцовы (Александровы?), по Костроме и Серпухову – князь Д. А. Друцкий, по Юрьеву – Т. И. Матов. Я. Ивашенцеву принадлежали владения в Ростовском уезде. «Людьми» Глинского были Щукины и Крыжины (не попали в число дворовых детей боярских), служившие с муромских поместий. Упоминание в их «деле» воеводы Ф. Ю. Щуки Кутузова «на Толстике» показывает, что они очутились здесь ранее 1519 г., когда эта его служба была отмечена в разрядных книгах [76, с. 141, 150, 153, 164; 73, с. 106; 4, № 502, с. 386; 56, с. 168]. Примечательно, что все эти персонажи оказались рассредоточенными по разным уездам, на значительном удалении друг от друга.

Более сложным является вопрос о других представителях этой группы. Уже говорилось о смоленских боярах, большая часть из которых оказалась на московской службе после присоединения Смоленска в 1514 г. Первые жалованные грамоты, фиксирующие начавшееся переселение смольнян, относились к 1515–1516 гг. (П. Г. Марин, В. Я. Демьянов, Д. И. Мирославич, князь М. Романовский (Козекин)). Несмотря на получившее в историографии убеждение о «перетряхивании» состава местных землевладельцев, многие из них сохранили свои владения в пределах Смоленской земли, образовав многочисленную категорию земцев, позднее влившейся в число местных детей боярских [18, с. 164–165, 173–176]. Переселения, особенно на первых порах, сопровождались соблюдением всех необходимых формальностей. Стоит отметить, что в жалованных грамотах смоленским боярам присутствовал полный великокняжеский титул, как в дипломатических документах. В жалованных грамотах литовским выходцам более раннего времени, например, князьям Ю. и С. Л. Козловским 1510 г., упоминался лишь сокращенный титул («князь великий Василей Иванович всеа Руси») [4, № 216, с. 160]. Они, таким образом, признавались субъектами договор-

ных отношений. Подобным образом оформлялись жалованные грамоты некоторым татарским князьям в Мещере и на Вятке.

Эта особенность, скорее всего, была обусловлена наличием особой жалованной грамоты, выданной Василием III, Смоленской земле, которая сохраняла свое значение. Требование этой грамоты «розводу никак не учинити» приводило к необходимости обеспечить компенсацию за изымаемые у смоленских князей и бояр земли, придавая «выводам» видимость добровольного характера. Многие из них получили земли на правах вотчин (Д. И. Мирославич, В. Т. Алексеев). В 1540-е гг. вотчина в Можайском уезде принадлежала также князю С. Коркодинову. Позднее вотчинами в Медыньском уезде владели Полтевы, Спиридоновы, Петелины (Петлины), Босины, Александровы и Здешковские [37, с. 75; 2, № 119, с. 120, № 134, с. 131; 58, л. 106об.; 48, с. 851, 852]. Примечательным является и выбор Медыньского уезда для испомещения большого числа смольнян. Дело было не только в том, что после опалы князя М. Л. Глинского здесь появились свободные земли для новых раздач. В Медыньский уезд, территория которого значительно вырослась в конце XV в. после систематического давления на порубежные литовские земли, вошли вотчины некоторых смоленских бояр. Среди них были Полтевы. Несмотря на переселение названной в московско-литовском договоре ветви медыньских вотчинников Филипповых Полтевых в Ярославль, представители этой фамилии остались в Медыни. По этому городу в Дворовой тетради был отмечен Г. И. Полтев, а среди порозжих медыньских земель встречалась вотчина Д. Полтева. Встречались Полтевы и среди медыньских помещиков 1580-х гг. При этом, медыньцы Р. и И. Г. Полтевы по родословной были потомками второго сына упомянутого Филиппа Полтева Федора [76, с. 207; 48, с. 836, 848; 61, л. 486–487об.].

Кроме того в состав «литвы дворовой» вошли некоторые другие литовские выходцы, в том числе, оказавшиеся в Москве в более раннее время. Среди них были князья Вяземские, Козловские, а также С. А. Гнездиловский. Трудно определить причины их попадания сюда, притом, что остальные представители Великого княжества Литовского были расписаны по «городам» с обычными детьми боярскими, без какого-либо выделения их статуса. Относительно Козловских, возможно, сыграло свою роль присутствие в 1508 г. среди «слуг» М. Л. Глинского И. Козловского, родные братья которого к этому времени уже находились на московской службе. Характерно, что все представители другой ветви Козловских, служившие по Костроме, не включались в состав

«литвы дворовой» [30, с. 72]. В эту группу не входили также романовцы Ф.С. и А.Ф. Козловские.

Некоторые из Вяземских имели владения в Малоярославецком уезде (выехали вместе с М. Л. Глинским?), что могло способствовать зачислению и других их представителей в число «литвы». К слову сказать, некоторые переславцы Вяземские (А. Глухой и, видимо, его брат М. Черный) не служили по этому списку. М. Черный в 1519 г., когда еще продолжалась опала для М. Л. Глинского и его приближенных, был одним из воевод «на берегу» [57, л. 156, 254об., 388, 730; 56, с. 159].

Примеры Вяземских, Козловских и Друцких, служивших по разным спискам, свидетельствуют об изначально индивидуальном характере зачисления в состав «литвы дворовой» для представителей некоторых фамилий, которые, вероятно имели определенную свободу выбора: служить в составе этой группы или непосредственно в составе местных служилых корпораций. Второй вариант со временем приобретал все большее распространение.

К «литве» были приписаны некоторые пленники, избравшие московскую службу – С. Жеребятнич и, видимо, князь Б. Ф. Глинский. В Дворовой тетради по Малому Ярославу числился Богдан Федоров Глинский. Скорее, это был Богдан Владимиров Глинский [21, с. 53]. Определенную часть представителей этой группы составили также новокрещены – еврей Я. И. Жидовинов (Новокрещенов) и татары (литовские?) И. Казак и Азбедреев. Для остальных лиц, фигурировавших в Дворовой тетради под рубриками «литва дворовая», не удастся определить обстоятельства их появления в Москве.

Очевидно, что при определении круга лиц, получивших привилегированный статус членов Государева двора, московское правительство далеко не всегда руководствовалось сложившейся на их прежнем месте службы иерархией. Вполне вероятно, что среди представленных здесь лиц могли быть потомки путных бояр, щитных и доспешных слуг [39, с. 212], не говоря уже о названном выше крещеном еврее Я. И. Жидовинове. С другой стороны, потомки некоторых смоленских бояр, переселенные в центральные уезды, со временем были вынуждены довольствоваться более скромной ролью. Несмотря на сохранившиеся в родословной росписи Демьяновых упоминания о пожалованиях Василия III, в Дворовой тетради отсутствовали представители этой фамилии. Они, очевидно, служили вместе с городовыми детьми боярскими: «служили по Переяславлю-Залесскому и по Ярославлю». Лишь позднее они сделали карьеру на дьяческой службе [44, с. 153–161]. Та же судьба

ожидала потомков Ф. и И. Глебовых, хотя в последнем случае они могли и не принадлежать к «литве».

Стоит, видимо, согласиться с мнением М. М. Крома о том, что наиболее выдающиеся представители смоленского боярства покинули свои земли, переселившись после взятия Смоленска на другие территории Великого княжества Литовского [39, с. 212]. Отчасти, вероятно, по этой причине на московской службе никому из них вплоть до середины XVI в. не удалось добиться сколько-нибудь значимых успехов. Свидетельство родословной о пожаловании в кормление В. Я. Демьяновичу стольничего в Коломне в 1516 г. является единственным примером подобного рода, притом, что указанное кормление имело явно второстепенный характер.

Отмеченное наблюдение распространяется и на других представителей «литвы дворовой». Из них всех вплоть до 1540-х гг. разрядные назначения получали только сам М. Л. Глинский и некоторые его сподвижники, а также С. Жеребятичев. Стоит добавить, что Я. И. Ивашенцев держал в кормлении волость Сяма Вологодского уезда. В целом представители этой группы заняли довольно скромное положение, которое не изменилось даже после брака Василия III на Елене Глинской. Князь И. В. Козлов-Вяземский в 1556 г. обладал окладом в 250 четвертей. Фактически же ему принадлежало всего 170 четвертей («сказал» ранее 130 четвертей). Этот оклад мог быть результатом нескольких десятилетий внутрисемейных разделов. Тем не менее, для сопоставления, новый литовский выходец князь М. Свирский, который кроме Дворовой тетради не встречается в других делопроизводственных документах, в 1550-е гг. обладал окладом в 700 четвертей [12, с. 104–105; 76, с. 198].

Вероятно, на положение этой группы продолжало влиять их соотношение с М. Л. Глинским. Особенно четко взаимосвязь прослеживается применительно к князьям Жижемским. Падения и взлеты представителей этой фамилии происходили синхронно с перипетиями придворной карьеры Глинских – опала и заточение во второй половине 1510-х гг., «стратилатские» назначения начала 1530-х гг., а затем и участие в подготовке свадьбы Ивана IV и Анастасии Захарьиной в 1547 г. Связь с Глинскими сохраняли, видимо, и Гагины. В 1555/56 г. В. М. Гагин вместе с Д. М. Жижемским послушествовали в отказной грамоте М. В. Глинского на куплю его брата Юрия в Переславском уезде [77, с. 498; 83, с. 272].

Немногочисленные сохранившиеся упоминания не дают возможности определить особенности несения службы представителями «лит-

вы». В деле Ф. И. Крыжина и Щукиных упоминается эпизод служебной деятельности Г. Л. Щукина: «по того ж Федора (Крыжина. – М. Б.), государь, посылал меня Василей Яковлич (Захарьин. – М. Б.) в Муроме, а велел всей литве быти у себя». Очевидно, что в этом случае представители «литвы» должны были выступать в поход в качестве отдельного отряда. Не очень понятно, имелись ли в этом случае все члены этой группы, разбросанные по разным уездам страны, или только муромская «литва». Последнее кажется более вероятным в виду ограниченного характера действий этого отряда (погоня за отрядом черемисы). Подобным образом в казанском походе 1549 г. упоминались «можаичи и с литвою». В любом случае видно, что значительно чаще «людям Глинского» приходилось выступать в походы вместе с муромскими детьми боярскими. При этом ни в одном из эпизодов службы, перечисленных Щукиными, они не подчинялись кому-либо из воевод, принадлежавших к той же корпорации [4, № 502, с. 387–388; 43, с. 226].

Несколько по-иному выглядела ситуация в западных уездах. Реликтовый слой можайской писцовой книги 1626–1627 гг., восходящий к началу 1540-х гг., показывает большое число местных помещиков, служивших в составе медынской «литвы дворовой»: Бокеевы, И. Т. Татаров, А. Ф. Первенцов, Свитины, а также Ж. А. Бородин. Скорее всего, к ним принадлежали также братья Спиридоновы [58, л. 54, 55, 105об., 186, 222об., 442об., 470об.; 59, л. 314, 336об., 933об.]. Очевидно, что связи между можайской и медынской «литвой» в силу территориальной близости, общности происхождения и статуса должны были быть достаточно интенсивными. Общались с медынцами и помещики других уездов.

Показательной в этом отношении является завещание Марии, вдовы можайского вотчинника Д. Мирославича. В этом документе фигурировало большое число представителей «литвы». Кроме медынца М. Л. Яковлева здесь были упомянуты можаичи А. И. Александров и В. О. Коптев. По Переславлю позднее служил брат П. А. Фурса Федор, а по Ярославлю – сыновья М. В. Пивова. П. А. Фурс и М. В. Пивов выступали в качестве свидетелей духовной грамоты. Примечательно, что многие перечисленные лица были выходцами из смоленского боярства (Мирославичи, Александровы, Коптевы, Пивовы). Сама Мария, вдова Д. Мирославича, завещала сделать небольшие вклады в смоленские церкви и монастыри. Видно, что несмотря на значительные расстояния, отделявшие Медынь и, например, Ярославль, эти в недавнем прошлом смоленские бояре продолжали поддерживать между собой тесные связи. Не исключено, что в их основе могла лежать совместная служба «литвы

дворовой». По сообщению С. Герберштейна, в распоряжении у Василия III было около полутора тысяч пехотинцев из литовцев. Вряд ли, однако, ими были представители «литвы дворовой», как считала А. Л. Хорошкевич [45, с. 10–12; 26, с. 114, 319].

В 1520 г. на Мокше воеводами были двое из них Я. Ивашенцев и С. Жеребятичев (названы друг за другом). В 1524 г. в конном рати вновь соседствовали тот же Я. Ивашенцев и М. А. Зверь, которые позднее были назначены воеводами «с нарядом с меньшим» [56, с. 174, 178, 188, 190]. Подобное соседство могло быть неслучайным. Вполне вероятно, что вместе с ними и под их началом находились и другие члены этой служилой корпорации. В целом, представители «литвы», как и их предшественники предыдущих десятилетий, достаточно быстро интегрировались в московское общество. Отрывочные данные источников показывают, что они часто взаимодействовали с местными детьми боярскими, не ограничиваясь кругом членов своей корпорации.

В 1521 князь И. Р. Болховский выступил в качестве писца купчей грамоты митрополичьей кафедры во Владимирском уезде. Радонежский помещик Митька Павлов Бакин, вероятный брат костромского «литвина» Бориса Павлова Бакина из смоленской боярской фамилии, часто упоминался вместе с местными землевладельцами Руготиными. В 1526 г. Ф. А. Руготин должен был разбирать его спор с Троице-Сергиевым монастырем. В 1535 г. Д. П. Бакин и З. А. Руготин уже сами выступали в качестве судей в поземельном споре [7, № 1, с. 12; 2, № 274, с. 277; 46, л. 164–165об., 339–339 об., 341–341об.].

В уже упомянутом завещании Марии Мирославич кроме выходцев из Великого княжества Литовского упоминались можайские дети боярские Сульменевы, С. П. Ступишин и И. Радилов, а также князья Тростенские-Оболенские, владевшие вотчинами в соседнем Малоярославецком уезде [45, с. 10].

Показателем сближения между «литвой» и остальными служилыми людьми являются сделки, заключенные в 1553–1554 гг. на дворы в недавно завоеванной Казани. С. М. Каштанов отметил «гнездование» представителей тех или иных уездной корпорации, оставленные здесь для несения гарнизонной службы. Соседом Плюсковых был К. Кондырев. Обе эти фамилии были отмечены в Дворовой тетради по Медыни. Одновременно фиксируются связи «литвы» с другими детьми боярскими, многие из которых были связаны с Можайским уездом. Г. М. Кондырев продал двор В. В. Радилову (Можайск). А. И. Александров («литва», Можайск) был покупателем двора у можайского вотчинника

С. А. Бортенева (записан по Дрогобужу). Меншик Ширяев Нестеров (Можайск) купил двор у упомянутых братьев Плюсковых. Послухами в акте были В. В. Радилов и А. А. Кулпин (Можайск). Писцом грамоты был Д. А. Кишкин, родственники которого также были известны в Можайском уезде. Видно, что для можайских детей боярских выходцы их «литвы» уже не воспринимались как чужеродный элемент [34, с. 5, 8, 12, 22, 23, 25, 27, 30–31]. Подобные связи подкреплялись совместной службой, что подтверждает разряд казанского похода 1549 г.

Князь С. А. Гнездиловский в 1550/1551 г. был послухом в купчей грамоте у местного вотчинника А. И. Нащокина Кемского в Пошехонском уезде. Очевидно, он пользовался авторитетом среди местных служилых людей, которые в начале 1560-х гг. избрали его своим губным старостой. Ранее его отец был наместников в Романове. В духовной костромича Кунана Писемского упоминался его душеприказчик князь И. А. Друцкий [35, с. 57].

Известны были также вклады, сделанные в московские монастыри. Уже говорилось, что Мария Мирославич в своем завещании упомянула несколько смоленских церквей и Спасский монастырь. Основная часть ее вклада, включавшее село Сквороденск, досталась однако, досталась Троице-Сергиеву и Пафнутьеву монастырям. Это был уже не первый ее вклад в Троице-Сергиев монастырь. Вклады сюда делали также Я. Иващенко и его жена Фекла. С Ростовским Борисоглебским монастырем были связаны Пивовы [25, с. 64; 73, с. 79; 33, с. 78].

Можно предположить, что только служба по особому списку (спискам?) тормозила процесс интеграции «литвы». Потомок бывших смоленских бояр неназванный по имени Бобоедов, погибший в 1552 г. под Казанью, считался «нижегородцем» [52, с. 478]. В Нижегородском уезде отсутствовала категория дворовых детей боярских, что, вероятно, способствовало интеграции выходцев из Великого княжества Литовского в структуру местного «города».

Стоит отметить практически полное отсутствие представителей «литвы дворовой» среди тысячников. Среди более чем 1000 кандидатов, которые должны были получить подмосковные поместья, присутствовал только один из них – Я. Булгаков Захарьин, с характерным определением «литвин». Не слишком высокий статус корпорации способствовал процессу постепенного уменьшения ее численности и выбыванию из нее представителей наиболее видных фамилий. Некоторые из них в 1550-е гг. несли службу непосредственно в составе местных корпораций: князя Козловские (Ф. С. Козловский, погибший во время штур-

ма Казани, упоминается как «романовец», вне «литвы» он был записан и в Дворовой тетради; по Романову числились также И. С. и А. Ф. Козловские), Д. М. и, вероятно, А. Д. Жижемские, М. и И. М. Гагины, что само по себе ставило вопрос о целесообразности дальнейшего существования «литвы дворовой».

В последний раз как отдельная группа «литва», точнее, только «литва медынская» упоминалась в 1563 г. в разряде полоцкого похода. Сужение употребленного термина свидетельствует об исчезновении других территориальных групп «литвы» в это время, которые, очевидно, вошли в состав служилых «городов». К. И. Жеребятчев, например, в 1564 г. был отмечен как «юръевец».

Некоторые известные в качестве «литвы» лица в 1550–1560-е гг. (еще до введения опричнины) привлекались к выполнению не слишком значительных разрядных поручений: князя Вяземские, Козловские, Друцкие, Коркодиновы, Пивовы, В. М. Гагин без ограничений, связанных с их происхождением и статусом.

Впоследствии представители «литвы» разделили судьбу местных детей боярских после перехода их уездов в опричное ведомство: некоторые из них вошли в число опричников и смогли сделать впечатляющую карьеру, другие – потеряли свои поместья и оказались переселенными в другие районы страны. В дальнейших боярских списках «литва» вновь появляется в 1588/89 г. Особенностью этого списка было копирование структуры Дворовой тетради, часто без учета произошедших за три десятилетия перемен. Среди выборных дворян здесь были отмечены «литва» с Костромы П. Гошевский и М. Мизин Дмитриев, с Дмитрова – Т. Севрюцкой [71, с. 222, 229]. Все они относились к эмигрантам более позднего времени и не были связаны с «литвой» 1550-х гг. Можно отметить также их общую немногочисленность и отсутствие компактных групп в местах их традиционной концентрации (Медынь, Можайск).

Не исключено, что упоминание в 1588/89 г. «литвы» было связано с вычленениями интересовавших московское правительство лиц из текстов десятен. В коломенской десятне 1577 г. присутствовала, например, группа «литвяки нововыезжие». Как и представители «литвы» дворовой они, очевидно, долгое время служили вне коломенского «города», о чем свидетельствует сделанное здесь же пояснение: «а ныне служат с Коломны с городом».

Отдельная служба «литвы» подтверждается и другими источниками. Т. Севрюцкой и М. Мизин в 1582 г. были ротмистрами «выезжих литовских людей». Под началом первого из них находилось 91 чело-

век, под началом второго – 79, судя по именам в основном польского происхождения (среди них был Бартош Станиславов, которого можно отождествить с известным позднее тобольским казаком из «литвы» и бывшим ротмистром Станиславом Бартошем) [72, с. 27–28; 3, № 98, с. 75–76]. В любом случае, очевидно, что упоминание этой «литвы» – «литвяков» было связано с более поздними экспериментами по включению выходцев из Речи Посполитой в существующую систему служебных отношений.

Одновременно с «литвой» на московской службе существовали и другие представители Великого княжества Литовского. В начале 1540-х гг. в писцовых книгах и связанных с ними актах несколько раз встречаются «смольняне». Больше всего подобных примеров было представлено в Можайском уезде, что в немалой степени объясняется сохранением реликтового слоя в писцовой книге 1626–1627 гг., хотя далеко не во всех случаях этого источника подобное определение могло сохраниться применительно к тому или иному лицу. Их однофамильцы, вероятные родственники и соседи по владениям часто встречались здесь без этого определения. «Смольняне» не были, однако, только можайским явлением. В Переславском уезде в 1542/43 г. упоминается поместье «смольнянина» А. С. Беликова. В том же году «смольняне» Онисим и М. Федоров были названы в платежной книге подмосковной волости Бели [8, № 71, с. 82; 83, с. 431; 47, л. 292об., 293]. Всего из этих отрывочных сведений удается насчитать 18 имен представителей этой «группы».

Очевидна их связь с различными слоями смоленского боярства. В целом, в сравнении с «литвой дворовой» они, однако, представляли его более низшие группы. К собственным боярским фамилиям, хотя и не первого порядка, принадлежали Коверзины, Алексеевы (возможно, однофамильцы), Петлины, Беликовы, Чечетовы, Савины. Путными боярами были Ходневы, Евсеевы (Евсевьевы), Дерновы. Характерно, но никто из потомков этих «смольнян» не был отмечен в Дворовой тетради. Размеры поместных окладов представителей этой группы из платежной книги волости Бели также подтверждают предположение об их невысоком социальном статусе. Обоим названным здесь «смольнянам» принадлежало незначительные поместья по 25 и 35 четвертей земли. Такими же поместьями владели мелкие дворцовые слуги – сокольники, сытники, подьячие. Беликовы, вероятные потомки А. С. Беликова служили позднее по Переславлю по родовому списку.

Видно, что «смольняне» отличались от «литвы». В той же можайской писцовой книге в качестве «литвина» фигурировал потомок смоленских

бояр А. Бородин, сын которого был отмечен в Дворовой тетради по Медыни [58, л. 186]. Скорее всего, они принадлежали к другой, более поздней волне смоленских переселенцев, получавших поместья по общему списку, что объясняет их не слишком высокий статус и упоминание в документах, так или иначе связанных с писцовыми описаниями. Они могли получить свои поместья в 1524 г., когда в источниках был упомянут «вывод» смоленских землевладельцев (в инструкции послам давались разъяснения на возможный ответ литовской стороны «чего деля князь великий смолян на Москву привел?»), или даже позже, во время, так называемой, «стародубской» войны 1534–1537 гг. В 1534 г. в Литву из Смоленска совершило побег несколько семей Коверзинных «и з жонами, и з детми... родом смолянне». Присутствие в разъезжей А. С. Беликова медынца и представителя «литвы дворовой» А. Ф. Лосминского (его сын позднее отметился в качестве писца грамоты в Переславском уезде), также вероятного выходца из смоленского боярства (не называл себя «смольнянином»), доказывает, однако, существование связей между двумя этими группами.

Судя по всему, существование отдельной группы «смольнян» оказалось недолгим. В межевой книге владений Троице-Сергиева монастыря с окрестными землевладельцами середины 1550–х гг. встречается Ф. Беликов. Ему, как и его однофамильцу (отцу?) предыдущего десятилетия, в Переславском уезде принадлежала деревня Пезлево, что подтверждает преемственность владения. Он, тем не менее, в глазах разъездчиков не выделялся из массы местных детей боярских [9, с. 153].

В 1546 г. была выдана жалованная грамота Пелагее, вдове К. Клишкова «мстиславца», на выплату долгов мужа без роста [4, № 188, с. 143]. Судя по этому документу, К. Клишкову принадлежало поместье в Костромском уезде. Клишковици действительно принадлежали к числу мстиславских бояр. Их появление на московской службе резонно связать с переходом князя Ф. М. Мстиславского в 1526 г. К сожалению, упоминание «мстиславцев» является единственным, что не позволяет сделать выводы о составе и эволюции этой группы. К числу «вассалов» Ф. М. Мстиславского принадлежали также Раевские, которые в Дворовой тетради были записаны по Малому Ярославцу, пожалованному ему в «вотчину» (в опубликованном тексте ошибочно записаны как Ржевские). В начале 1530-х гг. этот вельможа, видимо, попал в опалу. Не исключено, что это событие могло привести к роспуску его двора и переводу некоторых его слуг в прямое подчинение Василию III [31, с. 128].

Еще одной группой выходцев из Великого княжества Литовского были «паны». Впервые представители этой группы встречаются в уже

упомянутой платежной книге подмосковных волостей 1542/43 г. В волости Шеренка поместьями владели паны Митя Казначеев и Митя Бездедов (по 25 четвертей) [47, л. 287об., 288]. Не исключено, что «паны» имели более раннюю историю. В 1532 г. в Костромском уезде встречался помещик Марко пан, хотя в его случае речь могла идти о прозвище, а не об определении, отражавшем его принадлежность к этой группе. В последующие годы «паны» начинают регулярно фигурировать в различных источниках. В данной грамоте Богоявленскому монастырю в Коломенском уезде 1548 г. упоминалось поместье, принадлежавшее ранее пану Игнатию. В межевых книгах владений Троице-Сергиева монастыря середины 1550-х гг. в Кашинском уезде встречалось имя нововыезжего пана Ивана. Пан Якуш был прежним владельцем поместья в Шелонской пятине в 1562 г. [13, с. 55; 1, № 53, с. 41; 4, № 108, с. 80]. Складывается впечатление, что «панями» начали обозначаться все новые выходцы из литовских земель не слишком высокого ранга, о чем свидетельствуют отсутствие у большинства из них фамилий, а также низкие размеры поместных окладов (в случае с Казначеевым и Бездедовым).

Общее количество подобных эмигрантов до начала военных действий в 1561 г. продолжало оставаться весьма значительным. В Дворовой тетради наиболее заметные из них фигурировали как «нововыезжие»: М. И. Черноморский, К. И. Есипов, В. Г. Зюзин, князь М. Свирский, М. и П. Т. Львовы. К ним стоит добавить А. С. Лашинского (Лашицкого), который позднее в рязанской писцовой книге был назван «литвином» [76, с. 164, 195, 198, 208; 11, с. 27, 66]. Стоит отметить, что он был женат на дочери М. Дрожжина и, возможно, сам принадлежал ранее к «литве дворовой».

Обстоятельства их появления в Москве могли существенно отличаться. Некоторые могли оказаться здесь вместе с князем Д. И. Вишневецким, другие могли быть индивидуальными «искателями приключений», как известный в литературе И. С. Пересветов, или совершить побег после конфликтов различного рода со своим окружением.

В принципе комплекс этих причин равнозначно действовал для обеих: московской и литовской сторон. Общее количество переходов резко возрастало во время вооруженных конфликтов, а также на пиках внутриполитической борьбы, особенно в случае с Московским государством, где массовые побеги служилых людей произошли в начале регентства Елены Глинской, а затем в годы террора Ивана Грозного [38, с. 114–115].

Не исключено, что значительное количество «москвитин», в том числе, «новоприбывших», фиксируемое в материалах Литовской Метрики первого десятилетия XVI в., также было отражением подобного явления.

Анализ новгородских писцовых книг показывает, что некоторые местные дети боярские, воспользовавшись смертью Ивана III, оставили здесь свои поместья [18, с. 109–111]. Некоторые из них перешли на удельную службу. Росту внутривоеводской напряженности должно было способствовать и катастрофическое поражение московской рати под Казанью. Состояние источников, к сожалению, не позволяет проследить более детально общую динамику этого процесса и определить побудительные причины для смены подданства служилыми людьми по обе стороны границы.

Позднее дополнительным фактором для переходов представителей Великого княжества Литовского помимо популярности царя, успешно сражавшегося с «басурманами», являлось успешное функционирование поместной системы, получившей новый импульс для своего развития в середине XVI столетия. Для безземельных литовских, а затем и польских шляхтичей выезд в Москву давал реальную возможность получить земельный надел, а затем и передать его по наследству своим потомкам. Как показывает пример князя М. Свирского, некоторым из них предоставлялись внушительные оклады (700 четвертей). Переход М. Свирского примечателен еще и в том отношении, что вся его фамилия уже давно исповедовала католицизм, что не стало препятствием для его появления при московском дворе. Свидетельство князя А. М. Курбского показывает, что здесь находили пристанище и другие католики. Одной из первых жертв террора начала 1560-х гг. стала некая Мария Магдалина и ее 5 сыновей. Она была «родом ляховица, потом исправилась в правоверие». Очевидно, что выезд ее мужа, неназванного по имени, произошел еще, по крайней мере, в предшествующее десятилетие [10, с. 136].

Недостаток источников не позволяет определить время появления на московской службе большинства «панов». Безусловно, начавшиеся в 1561 г. военные действия и, особенно, взятие Полоцка, способствовали увеличению количества выходцев из Великого княжества Литовского – Речи Посполитой на московской службе. Сохранившиеся нижегородские дозорные книги 1571/72 г. фиксируют присутствие в этом уезде большого числа подобных лиц. Всего насчитывается не менее 15 человек – 12 панов (из них 3 нововыезжих) и 2 литвина [14, с. 212–261; 3, № 132, с. 103–104]. Многие «пань» и «литвины», вероятно, перешли на службу к Ивану Грозному на добровольных началах.

Судьбу некоторых новых эмигрантов удастся проследить на протяжении последующих десятилетий. Крайне удачно, например, сложилась судьба В. Г. Зюзина. По своему происхождению он принадлежал к потомкам тверских бояр, бежавших в Литву в 1485 г. вместе с Михаилом

Тверским. На московскую службу В. Г. Зюзин перешел где-то в конце 1540-х гг. после конфликта с О. Воловичем. Здесь он быстро восстановил связи со своими родственниками Зюзиными и Шетневыми. В Дворовой тетради его имя было записано в рубрике «Суздаль» сразу после имен его однофамильцев Зюзиных. Уже в 1562 г. он присутствовал среди дворян на встрече литовского посланника, а во время полоцкого похода 1562/63 г. находился среди детей боярских, «которым спати в стану». Впоследствии после введения опричнины сделал в ней впечатляющую карьеру, дослужившись в итоге до думного дворянина, чему не помешал отъезд в Литву его московского родственника Бахтеяр Зюзина. Важнее отметить другое. Несмотря на свое воспитание и условно «литовское» происхождение, он очень быстро адаптировался к реалиям московского общества. В 1576 г. состоялся его местнический спор с Ф. Ф. Нагим, который показал его глубокое знание действовавших правил игры. Он отметился еще в нескольких местнических столкновениях. Известны были его связи с Кирилло-Белозерским (сделал туда крупный вклад по своим родителям) и с московским Чудовым монастырями. Его дочь была замужем за А. И. Годуновым [66, с. 1–36; 85, с. 62, 68, 70, 75].

Нижегородские дети боярские Стружские С. Б. Веселовским причислялись к потомкам выселенных новгородцев. П. В. Чеченков осторожно предположил их литовское происхождение. Действительно, в дозорных 1571/72 и 1587/88 гг. Г. И. Стружский фигурировал как «пан» и «литвин». Известно было также поместье пана И. Стружского. Их однофамильцы и, скорее всего, родственники Мосей и Филипп Стружские еще в 1552 г. принимали активное участие в споре Никольского Дудина монастыря с местными помещиками Арбузовыми. По словам последних, они были «у Николы в монастыре вкладчики» и по этой причине заняли сторону монастырских старцев [14, с. 239, 242, 243; 23, с. 322; 81, с. 64; 45, с. 227–229].

Затянувшееся существование отдельных групп «панов» и «литвинов» в рамках Московского государства было вызвано не столько их слабой интеграцией к существовавшим здесь особенностям социально-политического развития, сколько постоянным наплывом новых лиц, количество которых во второй половине XVI в. исчислялось уже несколькими сотнями. При всей гибкости созданной системы служебных отношений, с легкостью вбиравшей в себя новые элементы, на усвоение и переработку этого нового человеческого «материала» требовалось время. Более тесному вовлечению в жизнь местных корпораций служилых людей препятствовала служба выходцев из Речи Посполитой по особым спискам. Коломенские «литвяки» в 1577 г., недавно начавшие службу в рамках

местного «города» практически не смогли найти для себя поручителей. Из детей боярских поручителями по Г. С. Васильеву выступили только окладчик Т. Борыков (как должностное лицо?) и его сосед по поместью Смага Янов. Играл свою роль и изменившийся состав новых эмигрантов, среди которых весомое место начали занимать поляки.

Особенностью переходов на московскую службу, начиная с 1560-х гг., стал более низкий статус эмигрантов, среди которых отсутствовали представители первостепенных родов и фамилий. По сути, князь Д. И. Вишневецкий был последней знаковой фигурой, отметившейся при московском дворе. Большая часть «панов» принадлежала к безземельной шляхте, не имевшей особых заслуг на прежнем месте службы. В отсутствие влиятельных покровителей им было трудно надеяться на значительное продвижение по службе. Из трех представителей «литвы», выборных дворян 1588/89 г. только один из них – М. Мизин Дмитриев – остался в этом качестве в 1602/03 г. [71, с. 262]. Новые же «литвины» уже не зачислялись в состав этой прослойки, что существенно ограничивало их карьерный рост. В целом, при всей своей многочисленности они заняли довольно скромное место в служебной системе, постепенно сливаясь с провинциальными детьми боярскими.

Новым этапом стало появление «черкас», позднее казаков «литовского списка», обозначившее основной вектор взаимодействия в отношении Московского государства и Речи Посполитой в последующие столетия и радикально изменившим контуры противостояния между ними.

Список литературы

1. Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII вв. / отв. ред.: В. Д. Назаров. – М.: НИЦ «Ладомир», 1998. – 734 с.
2. Акты Русского государства 1505–1526 гг. / сост.: С. Б. Веселовский. – М.: Наука, 1975. – 436 с.
3. Акты служилых землевладельцев XV–XVII века. – Т. 1 / сост.: А. В. Антонов, К. В. Баранов. – М.: Археографический центр, 1997. – 432 с.
4. Акты служилых землевладельцев XV–XVII века. – Т. 4 / сост.: А. В. Антонов. – М.: Древлехранилище, 2008. – 632 с.
5. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – Т. 1. / сост.: С. Б. Веселовский. – М.: АН СССР, 1952. – 804 с.
6. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – Т. 3 / сост.: И. А. Голубцов. – М.: Наука, 1964. – 688 с.
7. Акты феодального землевладения и хозяйства. – Ч. 3. / сост. Л. В. Черепнин. – М.: АН СССР, 1961. – 444 с.
8. Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.) / сост.: Л. И. Ивина. – Л.: Наука, 1983. – 352 с.

9. Алексеев, Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд / Ю. Г. Алексеев. – М.; Л.: Наука, 1966. – 267 с.
10. Андрей Курбский. История о делах великого князя московского / подг.: К. Ю. Ерусалимский. – М.: Наука, 2015. – 943 с.
11. Анпилогов, Г. Н. Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI века / Г. Н. Анпилогов. – М.: МГУ, 1982. – 272 с.
12. Антонов, А. В. «Боярская книга» 1556/57 года / А. В. Антонов // Русский дипломатарий. – Вып. 10. – М.: Древлехранилище, 2004. – С. 79–117.
13. Антонов, А. В. Костромские монастыри в документах XVI – начала XVII века / А. В. Антонов // Русский дипломатарий. – Вып. 7. – М.: Древлехранилище, 2001. – С. 52–218.
14. Антонов, А. В. Нижегородские поместные акты конца XVI – начала XVII века / А. В. Антонов // Русский дипломатарий. – Вып. 5. – М.: Памятники исторической мысли, 1999. – С. 212–276.
15. Антонов, А. В. Новая полная грамота XV века / А. В. Антонов // Русский дипломатарий. – Вып. 6. – М.: Памятники исторической мысли, 2000. – С. 9–13.
16. Антонов, А. В. Родословные росписи / А. В. Антонов. – М.: Археографический центр, 1996. – 414 с.
17. Бенцианов, М. М. «Княжеский элемент» в новгородской поместной корпорации на рубеже XV–XVI вв. / М. М. Бенцианов // Новгородский исторический сборник. – Вып. 15 (25). – Великий Новгород: Новгородский государственный университет, 2015. – С. 88–112.
18. Бенцианов, М. М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. / М. М. Бенцианов. – М.: Центрполиграф, 2019. – 440 с.
19. Бранденбург, Н. Е. Род князей Мосальских / Н. Е. Бранденбург. – СПб.: тип. Артиллерийского журнала Фурштатская, 1892. – 642 с.
20. Бычкова, М. Е. Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика / М. Е. Бычкова. – М.: Квадрига, 2012. – 368 с.
21. Бычкова, М. Е. Состав класса феодалов / М. Е. Бычкова. – М.: Наука, – 1986. – 227 с.
22. Веселовский, С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев / С. Б. Веселовский. – М.: Наука, – 1969. – 584 с.
23. Веселовский, С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси / С. Б. Веселовский. – Том 1. – М.; Л.: АН СССР, 1947. – 496 с.
24. Вкладная книга брянского Свенского монастыря / изд. В. Арсеньев. – Тула, 1911. – 43 с.
25. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1987. – 439 с.
26. Герберштейн, С. Записки о Московии / С. Герберштейн; вступ. статья А. Л. Хорошкевич. – М.: МГУ, 1988. – 429 с.

27. Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции / подгот. текста и коммент. А. А. Зими́на; под ред. Л. В. Черепнина. – Ч. 1. – М., 1978. – 212 с.
28. Дмитриева, Р. П. Сказание о князьях владимирских / Р. П. Дмитриева. – М.; Л.: АН СССР, 1955. – 214 с.
29. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подг. Л. В. Черепнин. – М.; Л.: АН СССР, – 1950. – 585 с.
30. Зимин, А. А. Новое о восстании М. Глинского в 1508 г. / А. А. Зимин // Советские архивы. – № 5. – 1970. – С. 68–73.
31. Зимин, А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. / А. А. Зимин. – М.: Наука, 1988. – 350 с.
32. Кабанов, А. Дворяне Судимонтовы (Судимантовы) на московской службе / А. Кабанов // Бурыйлинский альманах. – №2 (6). – Иваново, 2016. – С. 4–9.
33. Кабанов, А. Ю. Заметки о дворянском роде Пивовых / А. Ю. Кабанов // Археографический ежегодник за 2012. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – С. 76–98.
34. Каштанов, С. М. Возникновение русского землевладения в Казанском крае / С. М. Каштанов // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. – Вып. 116. – 1973. — С. 3–35.
35. Каштанов, С. М. По следам троицких копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 г. и архив Троице-Сергиева монастыря) / С. М. Каштанов // Записки отдела рукописей. – Вып 40. – М.: Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. – 1979. – С. 4–58.
36. Келембет, С. Князі Несвізькі та Збаразькі: XIII – початок XVI століть / С. Келембет. – Кременчук: Християнська зоря, 2017. – 212 с.
37. Кобрин, В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.) / В. Б. Кобрин. – М.: Мысль, – 1985. – 278 с.
38. Кром, М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х гг. XVI века / М. М. Кром. – М.: Новое литературное обозрение, – 2010. – 888 с.
39. Кром, М. М. Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. / М. М. Кром. – М.: Археографический центр, 1994. – 304 с.
40. Кузьмин, А. В. Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV – первой половине XVI века / А. В. Кузьмин // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. статей. – Т. 2. – Тула: «Инфра», 2002. – С. 5–28.
41. Кузьмин, А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. / А. В. Кузьмин. – Т. 1. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, – 2014. – 336 с.
42. Кузьмин, А. В. Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII – начала XV в. / А. В. Кузьмин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2007. – № 4 (30). – С. 50–68.

43. Курбатов, О. А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформ царского войска. Приложение: 1549 г. / О. А. Курбатов // Единорогъ. Материалы по военной истории эпохи Средних веков и раннего Нового времени. – Вып. 1. – М.: Квадрига, – 2009. – С. 226–227.

44. Лихачев, Н. П. Разрядные дьяки XVI века: опыт исторического исследования / Н. П. Лихачев. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1888. – 559 с.

45. Лихачев, Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. – Вып. 1: Духовные и сговорные грамоты. Вып. 2: Грамоты правые / Н. П. Лихачев. – СПб.: Тип. В. Балашева и К°, – 1895. – 272 с.

46. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). – Сборник грамот и других актов Троице-Сергиева монастыря. – Ф. 303. – Кн. 518.

47. НИОР РГБ. – Фрагмент платежной книги поместных, вотчинных и монастырских земель Московского уезда волостей Шеренка, Воря и Корзенов, Радонеж и Бели. – Ф. 303. – Кн. 637. – л. 284–298.

48. Писцовые книги Московского государства. – Ч. 1. Отд. 2. / под ред. Н. В. Калачева. – СПб.: Импер. Русское географическое общество, 1877. – 924 с.

49. Писцовые книги Новгородской земли / сост. К. В. Баранов. – Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540-х гг. – М.: Древлехранилище. – 866 с.

50. Полное собрание русских летописей. – Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / подг. С. Ф. Платонов. – СПб.: Археогр. комиссия, 1897. – 262 с.

51. Полное собрание русских летописей. – Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / подг. С. Ф. Платонов. – СПб.: Археогр. комиссия, 1901. – 272 с.

52. Полное собрание русских летописей. – Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. 2-я половина / подг. С. Ф. Платонов. – СПб.: Археогр. комиссия, 1906. – 240 с.

53. Полное собрание русских летописей. – Т. 23: Ермолинская летопись / подг. Ф. И. Покровский. – СПб.: Археогр. комиссия, 1910. – 239 с.

54. Полное собрание русских летописей. – Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. / подг. М. Н. Тихомиров. – Л.: АН СССР, 1949. – 464 с.

55. Псковские летописи / ред. А. Н. Насонов. – Вып. 2. – М.: АН СССР, 1955. – 363 с.

56. Разрядная книга. 1475–1605 гг. / сост. Н. Г. Савич; предисл. В. И. Буганова. – Т. 1. – Ч. 1. – М.: Ин-т истории СССР, 1977. – 188 с.

57. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Писцовая (приправочная) книга Малоярославецкого уезда И. Вельяминова, 1587/88–91/92 гг. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 539.

58. РГАДА. – Писцовая книга Можайского уезда 1626/27 г. письма Н. Неплюева. 1-я половина. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 10815.

59. РГАДА. – Писцовая книга Можайского уезда 1626/27 г. письма Н. Неплюева. 2-я половина. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 10816.

60. РГАДА. – Писцовая книга Мосальского уезда 1627/28 г. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 252.
61. РГАДА. – Родословная Полтевых. – Ф. 286. Герольдмейстерская контора. – Оп. 1. – Кн. 241. – л. 486–487об.
62. Редкие источники по истории России / под ред. А.А. Новосельского, Л. Н. Пушкарева. – Вып. 2: Новые родословные книги XVI в. / сост.: З. Н. Бочкарева, М. Е. Бычкова. — М.: Ин-т истории СССР, 1977. – 186 с.
63. Родословные росписи тверской аристократии конца XVII века / публ. Л. Е. Шабаев // Российская генеалогия. Исторический альманах. – Вып. 2. – М.: Старая Басманная, 2017. – С. 176–280.
64. Русина, Е. В. Знакомый незнакомец: Василий Никольский en famille / Е. В. Русина // Славяноведение. – 2000. – № 2. – С. 69–74.
65. Русина, Е. В. Персональный состав северских князей во второй половине XIV в. / Е. В. Русина // Историческая генеалогия. – Вып. 2. – Екатеринбург, Париж: Ярмарка-Пресс, 1993. – С. 14–18.
66. Русский исторический сборник. – Т. 5: Местничество. Дела, собранные действительным членом П. И. Ивановым. – Кн. 2. / ред. проф. Погодин. – М.: Об-во истории и древностей Российских, 1842. – 396 с.
67. Сборник Императорского Русского исторического общества. – Т. 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. – Ч. 1 (годы с 1487 по 1533) / под ред. Г. Ф. Карпова. – СПб., 1882. – 952 с.
68. Сборник Русского Исторического Общества. – Т. 41: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскими и Ногайскими Ордами. – Ч. 1 (годы с 1474 по 1505) / под ред. Г. Ф. Карпова. – СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1884. – 558 с.
69. Сметанина, С. И. Докладная полная XV века / С. И. Сметанина // Архив русской истории. – Вып. 8. – М. Древлехранилище, 2007. – С. 332–336.
70. Станиславский, А. Л. Роспись детей боярских Мещовска, Опакова и Брянска 1584 г. / А. Л. Станиславский // Археографический ежегодник за 1972 г. – М.: Наука, 1974. – С. 293–301.
71. Станиславский, А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков / А. Л. Станиславский. – М.: РГГУ, 2004. – 506 с.
72. Сторожев, В. Н. Материалы для истории русского дворянства: Десятни и Тысячная книга XVI века. Десятни XVI века / В. Н. Сторожев // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. – Кн. 8. – М., 1891. – С. 1–459.
73. Стрельников, С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века / С. В. Стрельников. – М.; СПб.: Альянс-Архео, – 2009. – 360 с.
74. Темушев, В. Н. Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. Территориальные трансформации в пограничном регионе / В. Н. Темушев. – М.: Квадрига, 2009. – 192 с.
75. Темушев, В. Н. Первая московско-литовская пограничная война: 1486 – 1494 / В. Н. Темушев. – М.: Квадрига, – 2013. – 312 с.

76. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / под ред. А. А. Зимина. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – 449 с.
77. Усачев, А. С. Об одном нетипичном случае переписки книг в России XVI в. / А. С. Усачев // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании*. – М.: Аквилон, 2016. – С. 497–499.
78. Флоря, Б. Н. Великое княжество литовское и Рязанская земля в XV веке / Б. Н. Флоря // *Славяне в эпоху феодализма*. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1978. – С. 182–189.
79. Фундуклей, И. Обзорение Киева в отношении к древностям / И. Фундуклей. – Киев, 1847. – 111 с.
80. Чернов, С. З. Волок-Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения / С. З. Чернов. – М.: Ин-т археологии РАН, 1998. – 543 с.
81. Чеченков, П. В. Формирование землевладения и фамильный состав нижегородской служилой корпорации первой половины – середины XVI в. / П. В. Чеченков // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. – 2015. – Вып. 1 (59). – С. 60–75.
82. Шеков, А. В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI века / А. В. Шеков. – М.: Квадрига, Русская панорама, 2012. – 364 с.
83. Шумаков, С. Обзор «Грамот коллегии экономии». – Вып. 4: Кострома «с товарищи» и Переславль-Залесский / С. Шумаков. – М.: Общество истории и древностей при Московском университете, 1917. – 688 с.
84. Эміграцыя знаці з рускіх княстваў у Вялікае княства літоўскае (40-я гг. XV – 30-я гг. XVI ст.). Дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.03 / А. У. Казакоў. – Мінск, 2010. – 154 л.
85. Эскин, Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронологический реестр / Ю. М. Эскин. – М.: Археографический центр, – 1994. – 270 с.
86. Lithuanian Metrica. Литовская Метрика. Lietuvos Metrica. – Кн. 8 (1499–1514) / Parengė A. Baliulis ir kt. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1994. – 649 p.
87. Lithuanian Metrica. Литовская Метрика. Lietuvos Metrica. – Кн. 37 (1552–1561) / Parengė D. Baronas. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų l-kla, 2011. – 632 p.
88. Lithuanian Metrica. Литовская Метрика. Lietuvos Metrica. – Кн. 4 (1479–1491) / Parengė L. Anužytė. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų l-kla, 2004. – 286 p.
89. Lithuanian Metrica. Литовская Метрика. Lietuvos Metrica. – Кн. 6 (1494–1506) / Parengė A. Baliulis. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2007. – 516 p.
90. Lithuanian Metrica. Литовская Метрика. Lietuvos Metrica. – Кн. 9 (1511–1518) / K. Pietkiewicz. – Vilnius: Žara, 2002. – 615 p.
91. Wolff, J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku / J. Wolff. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1895. – 698 s.